

— Да, всего семь. Мы взяли четырёх, а трёх отдали отцу Цуйжоу на продажу.

— Если они из одного помёта, значит, они братья и сестры. Ты хочешь составить пару, но разве это правильно?

— ...

Ань Тун задумалась. Действительно, так и есть. Но Сюй Сянжу слишком хорошо разрушает её мечты.

— Сюй Сянжу, ты такая противная!

Сюй Сянжу слегка улыбнулась. Видя, что Ань Тун в хорошем настроении, она тоже почувствовала себя лучше.

Сюй Сянжу мельком взглянула на Шао Жу, стоящую рядом с Жэнь Цуйжоу.

Её мучил вопрос: знает ли Ань Тун о связи Цзян Чэньяня и Шао Жу?

Она думала, что Ань Тун знает об их отношениях, но, чтобы не спугнуть их, делает вид, что ничего не замечает. Однако после скандала с расторжением помолвки семьи Цзян и Ань показали свои истинные лица, и, судя по характеру Ань Тун, она вряд ли бы промолчала. Почему же Шао Жу всё ещё спокойно остаётся в доме Ань?

Сюй Сянжу хотела предупредить Ань Тун, но вспомнила, что её подозрения о связи Цзян Чэньяня и Шао Жу были лишь догадками. Она подозревала, что между ними есть что-то большее, но никогда не видела их вместе. Если она скажет Ань Тун об этом без доказательств, поверит ли она?

Кроме того, с тех пор они больше не оставались наедине, и в присутствии Шао Жу ей было неудобно обсуждать такие вещи.

Она подумала и сказала:

— Шао Жу, твоя шпилька выглядит очень изящно!

Шао Жу внутренне напряглась, сердце её заколотилось: что она имеет в виду? Что она задумала?

Ань Тун была недовольна тем, что Сюй Сянжу вдруг обратила внимание на Шао Жу. Она тоже посмотрела на неё и заметила, что та всё ещё носила деревянную шпильку.

— Почему ты вдруг хвалишь её шпильку? Моя шпилька тоже очень красивая!

— ...

Сюй Сянжу убедилась, что Ань Тун действительно не знает, что шпильку Шао Жу подарил Цзян Чэньянь.

Она видела, как Цзян Чэньянь подарил Шао Жу шпильку только один раз, но узоры на шпильках Шао Жу постоянно менялись. Однако, судя по тонкой резьбе на шпильке, Цзян Чэньянь явно вложил в неё много усилий. Сказать, что между ними ничего нет, она сама себе не могла поверить.

Шао Жу поспешно сказала:

— Сянжу, если тебе нравится, я могу подарить тебе одну. Я в свободное время вырезала несколько шпилек.

Сюй Сянжу подняла бровь, но ничего не сказала. Ань Тун махнула рукой:

— У меня много шпилек. Если хочешь, просто скажи.

— ...

Сюй Сянжу ненадолго замолчала, а затем выдавила:

— Не надо, мне не нужно.

Шао Жу поспешно заговорила:

— Молодая госпожа, уже прошёл полдень. Неужели господин не отправит кого-нибудь искать нас? Давайте поскорее вернёмся!

Ань Тун подумала, что она права, и попрощалась с Сюй Сянжу:

— Сюй Сянжу, ты должна хорошо заботиться о крольчонке. Я как-нибудь снова приду к тебе!

Сюй Сянжу не смогла сказать Ань Тун, чтобы та была осторожна с Шао Жу, и Ань Тун не поняла её намёков. Она решила подождать следующей встречи, чтобы всё объяснить.

Вернувшись домой, Сюй Сянжу нашла клетку для крольчонка, нарвала ему травы и овощей, а затем пошла мыть и сушить тростниковые листья.

Госпожа Ван вернулась домой, и они с Сюй Сянжу поели рисовой каши, после чего обсудили вопрос летнего налога. С мая начинался сбор летнего налога, и к июню он должен был быть завершён, поэтому семьи в деревне Фуцю уже начали получать уведомления с указанием суммы.

В этом году погода была благоприятной, поэтому помимо денег требовалось сдать больше шёлка, хлопка и ткани. Госпожа Ван знала, что семья Сюй испытывает трудности, и, имея лишь несколько участков земли среднего и низкого качества, они едва сводили концы с концами. Поэтому она хотела пойти собирать листья тутовника в саду.

Сбор листьев тутовника требовался дважды в день, утром и вечером, и платили за это тридцать монет в день. Хотя это было немного, но могло помочь с расходами. Однако сад, предлагавший такую высокую оплату, принадлежал семье Ма, и это заставило госпожу Ван задуматься.

— Отец уже однажды обманул семью Ма. Мама, ты хочешь снова попасть в ловушку? — возразила Сюй Сянжу.

Госпожа Ван ответила:

— Но сад семьи Лю в соседней деревне слишком мал, и они платят только десять монет в день. Я сама спросила в саду семьи Ма, они, наверное, не знают о моих отношениях с Санем?

— Семья Ма слишком могущественна. Как только ты уйдёшь, они, возможно, сразу узнают, сколько человек в семье Сюй. Не обманывай себя.

Госпожа Ван вздохнула:

— Но что же делать? Иначе мы умрём с голоду.

Сюй Сянжу сказала:

— Мама, не волнуйся. Я могу пойти собирать чай в сад семьи Шэнь, там платят пятьдесят монет в день.

Мать и дочь обсуждали планы, а мнение Сюй Саня их совсем не интересовало.

Сюй Сань всё это время прятался дома, а когда шум утих, вышел помогать в поле, но в основном наблюдал за деревенским бездельником Пубо. Он хотел бы присоединиться, но у него не было денег, поэтому мог только смотреть.

Когда-то маленькая Сюй Сянжу спрашивала госпожу Ван, почему она так балует Сюй Саня, и та, погрузившись в воспоминания, ответила:

— На самом деле он был очень добр ко мне...

Госпожа Ван и Сюй Сань были из Чанлэ, области Хаочжоу, округа Хуайнань. Тогда семья Сюй была одной из самых уважаемых в деревне, а отец Сюй Саня служил в местной администрации.

Он и другие чиновники отвечали за управление, перевозку и охрану государственного имущества, но все расходы на это они несли сами. Если в процессе транспортировки что-то терялось, они должны были возмещать ущерб.

Из-за больших расстояний, высоких расходов и постоянных злоупотреблений со стороны вышестоящих чиновников многие из них разорялись.

Сюй Сань и отец Сюй Сянжу, Сюй Жэньчан, были незаконнорожденными и с детства не пользовались уважением в семье. Однако Сюй Сань был тихим и молчал, когда его обижали.

Когда госпожа Ван вышла замуж за Сюй Саня, семья Сюй уже пришла в упадок, и их жизнь мало отличалась от жизни бедняков. Законные сыновья и жёны семьи Сюй постоянно унижали Сюй Жэньчана и Сюй Саня, а их жёны тоже терпели оскорбления.

Госпожа Ван, которая так и не смогла родить детей, подвергалась ещё большим нападкам.

Сюй Сань, чтобы защитить её, не боясь прослыть непочтительным, ругался с родителями и даже дрался с братьями, в итоге став изгоем, которого чуть не выгнали из семьи. Сам он стал эгоистичным и корыстным.

Сюй Жэньчан, устав от такой жизни, ушёл в армию, когда правительство набирало солдат. Его жена, родившая дочь, тоже терпела унижения, а позже, заболев, умерла из-за того, что семья не хотела тратить деньги на её лечение. Она оставила маленькую Сюй Сянжу.

Госпожа Ван, видя, как тяжело девочке, и сама не имея детей, предложила Сюй Саню взять её на воспитание. Тот, не раздумывая о разводе, согласился.

Позже в округе Хуайнань началась засуха, повсюду царил голод, а законные братья Сюй Саня строго охраняли зерно и деньги. В отчаянии Сюй Сань, госпожа Ван и Сюй Сянжу отправились в бега.

После долгих скитаний они добрались до Цюйчуаня, где их приютили богатые семьи и власти, и они поселились в деревне Фуцю, где прожили уже более десяти лет.

Они иногда думали о возвращении, но, вспоминая унижения и злые лица родных, отбрасывали эту мысль.

Люди меняются, но госпожа Ван всегда помнила, как Сюй Сань защищал её. Поэтому, даже когда он начал посещать частных проституток, она, хотя и страдала, оставалась с ним. Он не бросил её, хотя она не могла родить, и она ждала, когда он одумается...

Когда Сюй Сань вернулся и услышал, что они обсуждают летний налог, он, что было необычно для него, не стал избегать разговора, а сказал:

— В уезде Сяюн собираются осушить озеро Юаньдун для создания полей. Нужны люди для строительства дамбы. Платят пятьдесят монет в день и шесть литров риса, а также можно освободиться от повинностей на следующий год. Я уже записался.

Госпожа Ван удивилась:

— Почему так внезапно?

Сюй Сянжу тоже спросила:

— Папа, откуда ты узнал об этом?

<http://bllate.org/book/16381/1482688>